

Марина и Сергей
ДЯЧЕНКО

ВЕДЬМИН ВЕК

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д99

Дизайн серии *Ильи Саукова*
Оформление *Владимира Безкровного*

На переплете использована иллюстрация
Вячеслава Коробейникова

Дяченко, Марина Юрьевна.
Д99 Ведьмин век / Марина Дяченко, Сергей Дяченко. — Москва : Эксмо,
2022. — 704 с. — (Гиганты фантастики).

ISBN 978-5-04-160587-2

Этот мир другой, но он похож на наш. В нем создают ядерное оружие, а высокие технологии развиваются рядом с магией, суевериями и наговорами. Всесильная Инквизиция контролирует ведьм, а нежить возвращается, чтобы увести живых. Ненависть ведет этот мир к апокалипсису, но любовь победит всё — даже законы мироздания.

Марина и Сергей Дяченко известны во всем мире. Признанные авторы романов, повестей, рассказов и более 30 сценариев для фильмов и сериалов. Лауреаты многочисленных литературных премий. Лучшие фантасты Европы по версии общеевропейской конференции фантастов «Еврокон-2005».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160587-2

© Дяченко М.Ю., Дяченко С.С., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ВЕДЬМИН
ВЕК

ГЛАВА 1

Впервые за много дней Ивга позволила себе расслабиться. Человек, все эти дни настороженно ее изучавший, наконец успокоился и даже расцвел. Какая-то ее шутка заставила его хохотать до слез, и, отсмеявшись, он потребовал, чтобы невестка перестала величать его «профессором Митецем», а звала как подобает — «папа-свекор»; Ивга расцвела в ответ и отправилась разводить костер посреди лужайки для пикников.

— ...Чтобы сердушко хотело, а все прочее могло! — Профессор оказался прямо-таки прирожденным балагуром. — Где двое, там вскоре и третий, а где трое, там и пятеро, выпьем же, ребятки, и пусть нас в мире будет больше!..

Красное закатное солнце дробилось в высоких окнах ее будущего дома. Дома под красной крышей, где на фасаде — балкон, увитый виноградом и оттого похожий на этикетку старого вина. Подрагивал в высоте медный флюгер, и Назар топал через двор, неся под мышкой корзинку со снедью и постоянно что-то роняя — то полотенце, то ворох салфеток, то верткую картофелину.

Потом папа-свекор настроил мандолину; в репертуаре этого серьезного и уважаемого человека во множестве водились игривые, а подчас и фривольные песни. От хохота Ивга дважды уронила бутерброд в костер; папа-свекор поблескивал глазами и шпарил такое, отчего даже у Назара на щеках пробивался смущенный румянец.

Потом папа-свекор вдруг прижал струны ладонью, секунду помигал, глядя в костер, — и завел совсем другим голосом что-то напевное и с длинным сюжетом, где морячка махала платочком с берега, а из моря ее окликала русалка с круглым зеркальцем в руке и гребнем в зеленых волосах, и обе они желали заполучить себе красавца капитана.

Назар улегся в траву, и голова его оказалась на Ивгиных коленях. Папа-свекор невозмутимо откупорил следующую бутылку, одним глотком отхлебнул полбокала и запел студенческую лирическую; Ивге захотелось подпеть. Не зная ни слов, ни мелодии, она по-рыбы открывала и закрывала рот, когда в нежную мелодию вмешался шум далекого мотора.

— Кто-то едет, — сонно сообщил Назар.

Ивга напряглась. Она не любила ни новостей, ни перемен, ни незваных гостей, ни даже веселых сюрпризов. Тем более сейчас, когда она разо-

мледа, расплавилась в своем счастье, будто шоколад в ладони, когда у нее нет сил, чтобы защищать свое хрупкое внутреннее равновесие. Новый визитер — агрессор, непрошено вторгающийся в ее мир, где наконец-то, после стольких мытарств, наступили покой и порядок...

Очень хрупкий покой. Вот — далекий шум мотора, и покоя как не бывало.

Назар с сожалением убрал свою голову с ее колен. Поднялся, радостно ухмыльнулся профессору:

— Па, а у Клавдия новая машина? Зелененький такой «Граф», да?

Папа-свекор сразу же отставил мандолину:

— Клав?! Елки-палки... Ну, дети мои, будем веселиться до утра...

Ивга молчала. Нехорошо, если они заметят ее разочарование. По-видимому, приехал старый друг; по-видимому, его приезду следует радоваться. В конце концов, явление нехорошего, несимпатичного человека вряд ли привело бы папу-свекра в такой восторг. И Назар не стал бы ерничать у ворот, козырять сидящему за рулем наподобие дорожного гвардейца и кататься, как маленький, на железной отползающей створке...

Папа-свекор взял мандолину наперевес:

— А вот сейчас, Рыжая, я тебя с выдающейся личностью... Рыжая, что с тобой?!

Зеленая машина неторопливо въехала во двор. Аккуратно и вежливо, будто живое и воспитанное существо, — но фары, прикрытые щитками, показали Ивге мутными глазами чудовища. Кусок бутерброда встал у нее в горле — ни проглотить, ни выплюнуть; из закоулков ее тела поднимались тошнота и муть. Она помнила это ощущение — но тогда, в первый раз, оно было неизмеримо слабее. Теперь же...

— Ивга, что с тобой?!

Назар уже тряс руку того, кто вышел из машины; Ивга видела только спину пришельца, обтянутую светлой рубашкой. Черноволосый ухоженный затылок, гладкий, волосок к волоску...

— Ивга, да что ты?..

— Замутило, — выдавила она с трудом. — Папа-свекор, извините, мне бы в дом... Прилечь...

Прямо перед ней оказались его встревоженные, подозрительные и одновременно радостные глаза:

— Рыжая?! Ты, что ли?.. Дедом я буду, нет?..

Назар уже вел прибывшего к костру; теперь Ивга могла рассмотреть смеющееся лицо нежданного гостя. Совершенно незнакомое. Нет, не его она видела в тот раз, нет...

Почуввав неладное, Назар перестал улыбаться и в два прыжка оказался рядом. От прикосновения его рук сделалось легче — впрочем, ненадолго.

— Извините. — Она вымученно растянула губы, стараясь смотреть мимо гостя.

А гость все еще улыбался. Кажется, сочувственно.

Назар взял ее на руки. Прижал к себе крепко, будто котенка; понес к дому, ошарашенно заглядывая в лицо:

— Ну, Рыжая... Или ты съела чего-нибудь, или... Ну, Рыжая... Слушай, а врача не надо?..

Она улыбнулась так успокаивающе, как только могла.

Он внес ее на крыльцо. Невзирая на протесты, втащил на второй этаж — легко, только ступеньки жалобно скрипнули; коленом открыл дверь в ее комнату, уложил на кровать и уселся рядом, не выпуская ее руки.

— Стыдно, неудобно... — Она прикусила губу.

Назар мотнул головой, стряхивая со лба жесткую челку. Ободряюще улыбнулся:

— Не бери в голову... Клавдий — свой человек...

Ивга вздохнула — глубоко, так, чтобы воздух дошел до самых пяток. Тошнота уходила, но лихорадочная дрожь оставалась. Бедный Назар; какая неожиданная получилась ложь. И как он искренне обрадовался... Она, выходит, зря морочила себе голову, и все эти слезы в подушку были тоже напрасно. Назар...

Она испытала прилив нежности, такой, что пришлось отвернуться и спрятать лицо в подушке. Нежность — и стыд. Потому что она невольно обманула, потому что причина ее сегодняшнего недомогания не имеет ничего общего с радостным ожиданием потомства...

— Рыжая, а?..

Она провела пальцем по синей жилке на его твердой мускулистой руке:

— Неудобно. Пойди к ним, скажи... Я сейчас оклемаюсь.

Он сглотнул. Снова спросить не решился; погладил ее по щеке. Встал, отошел к двери; вернулся снова. Поцеловал ее в макушку. Сорвался с места, беззвучно подпрыгнул до потолка и качнул тяжелую люстру, так что звякнули гроздья подвесок.

— Пацан... — Ивга через силу улыбнулась. — Послушай... А Клавдий — кто?

Он поднял брови:

— В смысле?

Она молчала, не умея сформулировать свой вопрос.

— Клавдий, — Назар почесал за ухом, — замечательный мужик, папин старый друг... Ну, еще он Великий Инквизитор города Вижны. Вот и все.

— Ага. — Ивга прикрыла глаза. — Иди...

Деревянная лестница снова вскрикнула — потому что Назар прыгал через две ступеньки. Ивга лежала, глядя на тени на потолке, и прохладная постель жгла, будто сковородка.

* * *

Оба молчали, и достаточно долго. В словах не было нужды; оба безмолвно наслаждались летним вечером, дымом костра и обществом друг друга. Гость лениво щурился, и огонек возле его губ неспешно пожирал тонкое тельце дорогой сигареты; хозяин вертел над огнем кусочек ветчины на острой палочке.

Потом из дому вышел Назар. Виновато улыбнулся, подошел к костру:

— Клавдий, вот так получилось... А я хотел вас познакомить.

Тот, кого звали Клавдием, понимающе прикрыл глаза.

— Что ж ты ее бросил? — сварливо спросил профессор социологии Юлиан Митец. — Оставил одну?

Назар заволновался:

— Я, собственно, только Клавдию хотел, ну она прощения просила...

Гость нетерпеливо махнул рукой — понял, мол, не болтай чепухи. Назар еще раз виновато улыбнулся и поспешил обратно; двое мужчин у костра проводили его взглядом.

— Ты помнишь? — негромко спросил профессор Митец. — Относительно Назара. Я опасался...

Тот, кого звали Клавдием, кивнул:

— Ага... Он у тебя все никак не выросел.

Профессор Митец торжествующе улыбнулся:

— Что делают с нами женщины, Клав!.. Выпьешь?

Гость загадочно улыбнулся и вытащил из внутреннего кармана небольшую бутылку, плоскую, как камбала:

— А я вот вчера только из Эгре, столицы, понимаешь, виноделия... И там мне всучили такую вот взятку. Завидно?..

— Не может быть! — воскликнул профессор с театральным изумлением. — Но как кстати, Клав, удивительно кстати!..

Оба знали толк в вине, а профессор еще и пил с видом знатока, тщательно и сосредоточенно, как заправский дегустатор. Гость удовлетворенно усмехался.

— А у меня будут внуки, — сообщил, наконец, профессор Митец, любуясь рубиновой жидкостью на дне. — Полным-полно, целый дом внуков... Я так и думал, что ты опять мотаешься по провинциям. Я звонил.

— Труды, — неопределенно отозвался гость. — Праведные труды на благо... или во благо. У тебя будет красивая сноха, Юль. Когда свадьба?

Профессор, довольный, кивнул:

— Думаю, где-то в октябре.

— Вы еще не назначили? — удивился гость.

Профессор развел руками:

— Не смейся, я всего неделю как... Как Назар меня познакомил. И ведь еще боялся, что рассержусь...

— Но ты не рассердился, — кивнул тот, кого звали Клавдием. — И правильно сделал.

Профессор поднял с травы свою мандолину. Глядя, как он заботливо подтягивает струны, гость выудил из узкой золотистой пачки новую обреченную сигарету.

— Юлек...

Профессор отчего-то вздрогнул. Оторвался от своего занятия, удивленно уставился на гостя:

— А?..

Тот, кого звали Клавдием, извлек из догорающего костра ветку с угольком на конце:

— Юлек... Вот пес, не знаю, как и сказать.

— Ведьм своих по подвалам пугай, — пробормотал внезапно помрачневший профессор. — Меня не надо... Ну?

Гость закурил. Глубоко затянулся, не сводя с приятеля прищуренных, чуть воспаленных глаз:

— Ты, конечно же, знаешь, что она ведьма?

— Кто? — глупо спросил профессор.

— Твоя сноха. — Гость затянулся снова. — Будущая сноха... Как ее, кстати, зовут?

— Ивга, — механически ответил профессор. Потом вдруг резко поднялся со своего чурбачка. — Что?!

— Ивга, — раздумчиво повторил тот, кого звали Клавдием.

— Ты соображаешь, что говоришь? — глухо поинтересовался профессор. Его собеседник кивнул:

— Юлек... За двадцать пять лет этой каторжной работы... Я определяю *их* даже по паршивым черно-белым фотографиям. И, что самое печальное, *они* меня тоже чувствуют... Им от меня дурно. Вашей Ивге стало плохо не потому, что она беременна, а потому, что рядышком оказался злобный я.

Профессор сел. Подобрал брошенную мандолину.

— Плохо, что ты не знал, — сообщил тот, кого звали Клавдием. — Я рассчитывал, что... Но это простительно, Юль. Они, особенно молодые, особенно из глухой провинции... Очень боятся. Может быть, Назару она сказала?

— Помолчи, — пробормотал профессор, методично подтягивая и подтягивая струну. — О, зараза!..

Вырванный колок от мандолины оказался у него в руках. И сразу же после этого — в костре; потревоженные угли вспыхнули ярче — и успокоились снова.

Его собеседник выждал паузу. Вздыхнул:

— Ничего страшного не случилось. Я сто раз видел счастливые семьи, в которых жена была ведьма. Ты знаешь, сколько в одной только столице легальных *их*? Тех, что мы попросту держим на учете?

Оборванная струна на мандолине профессора Митеца свернулась спиралью, будто виноградный ус.

— Юлек...

— Замолчи.

Из дому вышел Назар. Слегка сбитый с толку, даже огорченный:

— Она сказала, что поспит... Но ей вроде бы лучше... Папа?!

Профессор отвернулся:

— Будь добр... будь добр, пойд и свари нам кофе.

Парень не двинулся с места. Когда он нервничал, ресницы его часто моргали — почти как у куклы, которую мелко трясут. Нервный тик.

— Папа...

— Назар.

Гость неожиданно усмехнулся:

— Все в порядке, Назарушка. Иди...

Оба напряженно молчали, пока за парнем не закрылась дверь кухни. И потом промолчали еще несколько долгих тягостных минут.

— Юлек, — медленно проговорил гость. — Ты разумный человек... всегда был. А теперь, вот зараза, я начинаю думать, что лучше бы мне

этот маленький факт — сокрыть. Чтобы когда-нибудь потом, в спокойной обстановке...

— Ты соображаешь?..

Профессор отшвырнул от себя мандолину. Так, что она жалобно бренькнула, угодив на камушек в траве. Гость неодобрительно пожал плечами — но на этот раз промолчал.

— Ты... — Профессор перевел дыхание. — Ведьма... В моем доме... С моим сыном... Тайно... Как гадко. Какая гадость, Клав...

Он поднялся, сунув руки глубоко в карманы; голос его обрел требовательные нотки:

— Я прошу тебя, Клавдий, поговорить с Назаром прямо сейчас. Я не желаю... Ни минуты...

— Юль? — Тот, кого звали Клавдием, удивленно поднял брови. — А что я, по-твоему, могу сказать Назару? В конце концов, если он ее любит...

— Любит?!

Некоторое время профессор кружил вокруг костра, не находя слов. Потом уселся на место — и по выражению его лица гость понял, что Юлиан Митец наконец-то взял себя в руки, надежно и крепко.

— Я так понимаю, — бесцветным голосом начал профессор, — что ты по долгу службы должен ее забрать? Для учета и контроля?

— По долгу службы, — гость в задумчивости закурил третью сигарету, — этим занимаются несколько другие люди. Вот распорядиться, чтобы ее забрали, — это я, в самом деле...

— Попрошу тебя — только не в моем доме, — уронил профессор все так же бесцветно и глухо. — Я не хотел бы...

— Да нет никакой необходимости ее брать! — Его собеседник сощелкнул с элегантных серых брюк черную снежинку кофоти. — Она сама придет куда надо, и, уверяю тебя, ни один сосед...

— Мне начхать на соседей.

Лицо профессора налилось желчью. Всякий, кто час назад был свидетелем праздника с песнопениями, поразился бы случившейся с Митецем перемене.

— Мне начхать на соседей. А вот на сына мне не начхать; инициирована ведьма либо нет... Ты смотришь на все это глазами, зараза, специалиста, а я... — Профессор осекся. Перевел дыхание, поднялся, намереваясь идти в дом.

— На месте твоего сына я бы послушался, — негромко сказал ему в спину тот, кого звали Клавдием.

* * *

Назар явился через полчаса; о человеке, пережившем потрясение, принято говорить, что он внезапно постарел. С Назаром случилось обратное — молодой мужчина, который не так давно на руках внес в дом свою будущую жену, теперь казался испуганным и смертельно обиженным мальчиком:

— Клавдий?..

За время, проведенное в одиночестве, друг семьи успел прикончить пачку своих замечательных сигарет и теперь смотрел, как изящная картонная коробочка догорает в костре.

— Назарушка, она бы тебе сама сказала. Не сегодня-завтра... Но не посвятить твоего отца я не мог. Это было бы, м-м-м... некрасиво с моей стороны. Непорядочно. Да?

Назар шумно сглотнул:

— А может так быть, что она и сама не знает? Вдруг?..

Некоторое время Клавдий раздумывал, а не соврать ли. Потом вздохнул и покачал головой:

— Увы. *Они* всегда и все про себя знают.

— Она мне врала, — сказал Назар глухо.

Клавдий удрученно пожал плечами.

* * *

Ивга не спала — лежала, натянув на голову одеяло, уткнувшись носом в подтянутые колени и воображая себя улиткой. В домике, в раковине, уютно и тепло, все, что за стенками раковины, безразлично и безопасно...

Потом у нее кончилось воображение, а вечер все не кончался; кто-то ходил по дому, кто-то вполголоса переговаривался, потом ей послышался звук заводимого мотора.

В какой-то момент она почти поверила, что кошмар закончился и все обошлось, что Великий Инквизитор сейчас уедет и все останется по-старому...

В этот самый момент и пришел Назар. Не зажигая света, молча остановился в полумраке, у самой двери; Ивга напряглась, но первой вступить в разговор у нее не хватило смелости.

— Как ты? — спросил Назар, и она поняла, что он уже все знает. — Как ты себя чувствуешь?

Как я себя чувствую, спросила себя Ивга. Как вошь в парикмахерской — легкий дискомфорт...

Назар молчал; под его взглядом лежащая в темноте Ивга действительно ощутила себя вошью в пышной шевелюре — мелкая тварь, обманом проникшая в этот прекрасный и прекрасный мир.

— Ну спокойной ночи, — сказал Назар деревянным голосом и прикрыл за собой дверь.

Несколько минут Ивга лежала неподвижно, вцепившись зубами в собственную руку. Потом вскочила, включила торшер и судорожно принялась собирать вещи.

Лихорадочная работа помогла ей на короткое время освободить себя от мыслей; она потрошила шкаф и выворачивала тумбу, а тряпок обнаружилось неожиданно много, а старенькая дорожная сумка, Ивгина спутница в странствиях, оказалась маленькой и неуместительной.

Она отвыкла от такой жизни. Когда все имущество — в потертой спортивной сумке. Ох, как она отвыкла, расслабилась, разомлела...

Осознание потери проткнуло ее, будто ржавой иглой, она опустила руки, села на пол и закусила губу, чтобы не разреветься. Потом, потом, все слезы — потом...

Она все-таки расплакалась бы, если бы не другая мысль, положившая ледяную лапу на вздрагивающее плечо: Инквизиция. Не та провинциальная, от которой она много раз уворачивалась; настоящая Инквизиция, Великая Инквизиция, разъезжающая в «Графах», шикарных машинах цвета сочной жабы...

Ивга погасила торшер, едва не оборвав шнурок-выключатель. Неслышно подошла к окну; дивный летний вечер благополучно сменялся дивной же ночью, звездной, сверчливой и совершенно безмятежной. Вчера в это же самое время они с Назаром...

Ивга шлепнула себя по лицу. Удар оборвал мысль, и острая внутренняя боль сменилась болью простой и вульгарной; Ивга видела в темноте неважно, но все же лучше, чем любой другой человек...

Если он не ведьма или не инквизитор.

Ее сумка вздулась, как коровий труп. Как тот, что она видела в детстве у дороги, и впечатлений хватило надолго...

Она прерывисто вздохнула.

Большую часть Назаровых подарков пришлось безжалостно выкинуть. Она избавилась бы от них полностью, но теплая серая куртка ох как пригодится, если зарядят дожди, а в новых кроссовках так удобно идти по пыльной дороге — с утра и до вечера...

Потом среди вещей она наткнулась на белую рубашку Назара — и две долгих минуты сидела, прижавшись лицом к пустому безвольному рукаву. Воротник пропитан был Назаровым запахом — она чуяла запахи не очень хорошо, но все же лучше, чем любой другой человек...

Если он не ведьма... Или не инквизитор...

Ей остро захотелось хоть что-нибудь взять на память. И написать для Назара хоть слово, хоть букву... Невыносимо, если он будет думать о ней...
...так, как она того заслужила.

Открыв дверцу шкафа, она долго глядела в ясное, но запылившееся зеркало. Рыжая, с провинциально круглыми щеками и наивными веснушками на все лицо, с чуть вздернутым носом, с по-детски пухлыми губами... и взглядом матерой, но очень усталой и очень несчастной личности.

Сезон охоты открыт...

Слово «Инквизиция» подхлестывало, как кнут. Неслышно ступая в полной темноте, Ивга шире отворила окно, забросила за плечо сумку и легко перемахнула через подоконник.

Второй этаж ее бывшего будущего дома сошел бы и за невысокий третий; некоторое время они сидела в траве, ожидая, пока утихнет боль в ушибленных ногах. В комнате Назара было темно; в буфетной горел свет. Чем сейчас занимается бывший папа-свекор? Можно вообразить, какое лицо у него было, когда...

На этот раз она не стала бить себя — шлепок может донестись до чужого уха. Она свирепо ущипнула себя за ляжку — и ненужная мысль оборвалась.

Вот как просто, только синяк будет лиловый и противный. Хорошо хоть, Назар его не увидит...

Она сорвалась с места. Замерла за углом, там, куда не достигал свет фонаря; ветка яблони с крохотными недорослями-яблочками жалобно поскребывала кирпичную стену. И тень от нее падала изломанная, жалкая...

Задержав дыхание, Ивга осторожно выглянула; калитка запирается на простой крючок, и у калитки в этот поздний час не было ни души — и все же сердце ее стукнуло обреченно и глухо.

Машина. Зеленый «Граф» стоял все там же, где подбежал к его дверце веселый Назар...

Что такое, ведь она слышала шум мотора?! Может быть, это папа-свекор вывел из гаража свою...

— Ивга.

Рядом. За спиной. Муторные, липкие мурашки; как она не почувствовала приближения?..

— Не волнуйся... Я не собираюсь тебя трогать.

— Вы меня уже тронули, — сказала она шепотом, не оборачиваясь. Хотя могла бы и не дерзить.

— Извини, — сказал Великий Инквизитор города Вижны. И, кажется, сделал шаг вперед, потому что Ивга мгновенно ощутила и тошноту, и слабость — правда, в каком-то падающем, придавленном варианте. Вероятно, он умеет *этим* управлять.

— Я хочу уйти, — сказала она, прижимаясь спиной к стене — как раз под жалобной яблонево́й веткой. — Можно?

— Можно, — неожиданно легко согласился инквизитор. — Но я бы на твоём месте дождался утра. Как-то это... мелко́вато. Смахивает на бегство. Да?

— Да. — Она кивнула, прижимая свою сумку к груди. — Что вы будете со мной делать?

— Лично я — ничего. — В голосе инквизитора ей померещилась укоризна. — Но если ты в течение недели не станешь на учет — тебя могут наказать. Общественными работами в компании подобных тебе, неиницированных, но в большинстве своем обозлившихся и несимпатичных. Зачем?..

— Вам-то что, — сказала она в стену. Тошнота подбиралась все выше — еще чуть-чуть, и разговор с инквизитором прервется самым непотребным образом.

— Куда ты пойдешь? Темной ночью, на шоссе?

Она дышала часто и глубоко. Ртом.

— Если... — каждое слово давалось с усилием. — Вы... предложите подвезти меня до города... то я откажусь.

— Зря, — констатировал инквизитор. — Но — дело твоё... Иди.

Она забросила сумку на спину; тень ее походила на старого больного верблюда.

— Ивга.

Она подавила в себе желание обернуться; в ее опущенную руку скользнул жесткий картонный прямоугольник: